

НОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА ПРОБЛЕМУ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТЕСТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (концепция нелинейного развития политического насилия)

*Арман Мартиросян**

Ключевые слова: насилие, агрессия, психологические теории и концепции агрессивного поведения, социальная психология

Тема внутригосударственного протеста – предмет самых острых современных дискуссий. В первую очередь обсуждаются соответствующие вопросы, связанные с реальными процессами цивилизационного развития, конфликтами [1]. Между тем, в рамках отдельных общественных наук – социальной психологии, политологии, социологии и системной теории – сложились различные подходы к объяснению данного феномена, кажущиеся несовместимыми и создающие определенные сложности в его понимании.

По примеру событий в Армении, где люди вышли на улицы, потому что общество было недовольно сложившейся социально-экономической ситуацией в стране и неспособностью власти решать эти проблемы и преодолеть коррупцию, а также нарушением обещания С.Саргсяна не претендовать на пост премьера, если Армения перейдет к парламентской форме правления. Несмотря на свое обещание, Саргсян всё-таки стал премьером. По заявлению правящей партии, Саргсян не хотел, но его убедили. Людям это очень сильно не понравилось, и они вышли протестовать – не в поддержку какой-то политической силы, а против действующей власти. В частности, против того, чтобы Серж Саргсян пошел на свой третий срок.

Однако вопрос возникновения политических протестов находится не только в социально-экономической сфере, но и в социально-психологической сфере. Психологические подходы к объяснению природы социальных процессов и конфликтов постулируют биологическую, генетическую или эволюционную предрасположенность человека к актам агрессивного

* Доцент кафедры политологии Российско-Армянского университета.

поведения, обнаруживая источник социального насилия во внутренних психологических процессах человека, детерминирующих, в конечном счете, его социальное, поведение [2].

Известно, что агрессия с позиции социальной психологии понимается как особая форма социального поведения, которая, с одной стороны, формируется социальным миром индивида, а с другой – воздействует на этот социальный мир и его обитателей. Следовательно, при рассмотрении проявлений агрессии основное внимание будет уделяться агрессивному поведению в социальных отношениях между индивидами или группами. Это значит, что прочие формы агрессии, такие как аутоагрессия, психопатологические формы агрессии или деструктивное поведение по отношению к материальным объектам, особому рассмотрению подлежать не будут.

Пагубность агрессивного поведения и его воздействие на состояние общества и государства, неудивительна. И естественно, что поиск объяснений того, почему люди его проявляют, всегда имел наибольшее значение при исследовании агрессии.

В книге «Социальная психология агрессии» [3], рассматривая теорию агрессивного поведения индивида, Б.Крейхи отмечает, что не создано ни одной всеобъемлющей теоретической модели агрессивного поведения и поиск объяснений того, почему люди его проявляют, породил множество теоретических подходов, каждый из которых рассматривает различные механизмы, задействованные в проявлении агрессивного поведения. Однако он обобщенно предлагает обсудить основные идеи этих подходов в виде двух основных целей:

а) зафиксировать разнообразность имеющихся объяснений агрессивного поведения, на которых основана значительная доля исследований агрессии и без которых любое введение в эту область было бы неполным;

б) сформулировать общий набор теоретических конструкторов, к которым обращаются исследователи, пытающиеся объяснить самые разные формы агрессивного поведения.

В качестве отправной точки перечислены основные теоретические подходы к изучению агрессии, указывается, как понимается агрессия с их точки зрения, а также какое значение они придают устойчивости и изменчивости агрессивного поведения.

Если первые три подхода основаны на биологических понятиях и принципах, то в остальных объяснениях используются психологические

критерии. Их можно рассматривать как конкурирующие или даже взаимоисключающие, тем не менее в большинстве случаев нужно трактовать их как дополняющих друг друга, изучающих различные аспекты агрессии как сложной формы социального поведения. Хотя нам известно, что относительно причин склонности индивидов к агрессивным реакциям и процессов, которые приводят к агрессивному поведению, наблюдаются существенные расхождения во взглядах. И поэтому с учетом современных требований рассмотрение фрустрационной теории агрессии было бы неполноценным без привлечения возможностей матанализа.

Теоретические объяснения агрессии

Теоретический подход	Агрессия понимается как...	Акцент на ста- бильности (С) или измен- чивости (И)
Биологические объяснения		С
Этология	...внутренняя энергия	С
Социобиология	...продукт эволюции	С
Генетика поведения	...наследственная предрас- положенность	С
Психологические объяснения		
Фрейдовский психоанализ	...инстинкт разрушения	И
Фрустрационная теория агрессии	...целенаправленное побуж- дение	И
Когнитивный неоассоцианизм	...реакция на отрицатель- ные эмоции	И
Модель переноса возбуждения	...подкрепленная нейтраль- ным возбуждением	И
Социально-когнитивный подход	...функция переработки информации	И
Теория научения	...возникающая в результа- те научения через подкреп- ление и подражание	И
Модель социального взаимодействия	...результат процесса при- нятия решений	И

Далее с позиции социальной психологии предмет политического насилия в целом постулирует причинно-следственную связь между внешними факторами социально-политической ситуации (депривация), психологическими предрасположенностями индивидов (фрустрация) и актами агрессивного поведения (насилием)[4]. Что, по сути, противоречит традиционному представлению о познаваемой и подсознательной природе коллективного насильственного поведения. Системная же зависимость актов насилия от внешних факторов (факторов извне) в свою очередь обусловлена моделью «рационального» поведения индивидов и, соответственно, его рациональным бихевиористским объяснением, допускающим возможность предупреждения коллективного насилия посредством изменения факторов среды [5].

Применение теории рационального выбора, в рамках которой используется предположение о максимизации индивидом ожидаемой чистой прибыли (т.е. разности выгод и издержек), обеспечивает плодотворный аналитический инструментарий для разрешения этих теоретических проблем. В основе данной теории лежит привнесение в политологические исследования методологических предпосылок относительно внелогического поведения, принятых в современной микроэкономической теории.

С точки зрения теории рационального выбора, участие в политическом насилии является для членов политической системы одним из способов достижения дополнительных **благ** – положительных изменений в своем статусе, материальном благосостоянии и т.д. Соответственно использование данного метода оказывается в прямой зависимости, с одной стороны, от наличия и привлекательности альтернативных путей достижения стоящих перед людьми целей, а с другой – от уровня **издержек**, которые обусловлены деятельностью государства по пресечению насильственной активности.

Удачной иллюстрацией анализа проблемы политического насилия в традициях теории рационального выбора служит вероятностная модель, предложенная известным исследователем Д.Гуптой [7]. Данная модель имеет следующий вид:

Вероятностная модель рационального выбора Д.Гупта

$$F(U) = -U(Y_i) + U[\Phi(Y_{gm} + pY_{ga})] - U(R_n) + pU(L) - (1-p)U(C) + U(\Phi f), 1.$$

где $U(Y_i)$ – сумма полезности дохода от деятельности, не связанной с политическим насилием (данный доход индивид мог бы получить, если бы посвятил время, которое он предполагает потратить на участие в актах насилия, «созидательным» целям, например, производственной деятельности);

Φ – фактор идеологии, определяющий в терминологии Д.Гупты индивидуальное предпочтение индивидом коллективных благ по сравнению с частными;

$U(Ygm)$ – ожидаемые выгоды индивида в случае победы оппозиционной квазигруппы, использующей средства политического насилия (выраженные в общественных благах);

$U(Yga)$ – ожидаемые выгоды от непосредственного участия в актах политического насилия с целью содействия достижению целей оппозиционной квазигруппы. Д.Гупта отождествляет фактор Yga с объемом общественных благ, «для которых не выполняется критерий неисключаемости из потребления», и относит сюда, в частности, выгоды в форме роста статусного капитала, которые выше были нами классифицированы – что более строго – как «частные блага»);

$U(R_n)$ – ожидаемый объем выгод, которые индивид может получить в обмен на согласие не участвовать в актах политического насилия. Это может быть, например, предоставление правительством материальных и статусных «компенсаций» тем членам оппозиционных квазигрупп, которые ограничиваются конвенциональными формами протеста);

$U(L)$ – выгоды получения материальных частных благ в ходе насильственных действий;

$U(C)$ – субъективные издержки, которые участник актов политического насилия понесет в случае его задержания и привлечения к ответственности за содеянное (издержки, обусловленные налагаемыми правительственными санкциями);

p – субъективно оцениваемая вероятность «удачного» участия в актах политического насилия (не сопряженного с несением издержек, обусловленных налагаемыми правительственными санкциями);

f – фактор, отражающий степень субъективного удовлетворения от участия в актах политического насилия (*fun factor*).

В том случае, если в **функции полезности** $F(U) > Q$ имеет место превышение выгод над издержками, благодаря чему участие в актах политического насилия оказывается привлекательным видом деятельности для рассматриваемого индивида; в противном случае – если $F(U) < Q$ – такое участие, с его точки зрения, не имеет смысла.

Таким образом, теория рационального выбора предлагает мощный инструментальный анализ проблем политического насилия.

Использование положений теории рационального выбора имеет большой потенциал в плане повышения объяснительных возможностей анализа феномена политического насилия в рамках альтернативных исследовательских направлений. В частности, включение в анализ фактора издержек позволяет продемонстрировать, почему индивид в состоянии фрустрации может не принимать участия в коллективных насильственных акциях. При этом учет идеологии позволяет концептуально анализировать рациональность актов самоотверженного и не эгоистического поведения.

Наконец, серьезной проблемой анализа феномена политического насилия, равно как и значимой практически-политической задачей, остается определение вероятности выбора индивидом тех или иных форм насильственных действий. В то время как теория фрустрации-агрессии способна адекватно оценить вероятный масштаб насилия, она не способна определить его вероятную интенсивность, а именно: латентное насилие, символические анти-системные действия («пропаганда делом»), террористические акты, массовые беспорядки, вооруженное восстание и пр.

Решение проблемы выбора форм насильственных действий различной интенсивности предполагает выявление взаимосвязи между факторами индивидуальной мотивации и структурными факторами. Систематический анализ коллективного поведения (насилия) с позиции социально-психологических категорий предполагает, что агрессия – это не автоматически возникающее в недрах человеческого организма инстинктивное влечение, а следствие фрустраций [10], т.е. препятствий, возникающих на пути его целенаправленных действий. Агрессия при этом определяется как поведение, направленное на причинение ущерба, физического либо иного, тем, кто ассоциируется с источником фрустрации. Резюме этого анализа говорит о том, что «мотивом агрессии является такое нанесение вреда другим или интересам других, которое устраняет источники фрустрации, в результате чего ожидается благоприятный эмоциональный сдвиг. Достижение такого сдвига представляет собой цель мотивированного агрессией поведения».

Соответственно этой дефиниции, агрессия всегда является реакцией враждебности на созданную другими фрустрацию (препятствие на пути к цели, урон интересам субъекта), независимо от того, была ли эта фрустрация, в свою очередь, определена антагонистическими намерениями или нет.

С.Браш [8] предполагает, что политическое насилие есть следствие предопределенных обстоятельств, постулированных Н.Смелсером [9], утверждающим, что антисистемные социально-политические движения произрастают из фундаментального неравновесия микросоциальных структур, на основании чего классифицируются **факторы**, каждый из которых достаточен для определенных протестных выступлений:

1. фактор структурного способствования (А) – степень терпимости государственных институтов по отношению к социально-политическому протесту.
2. фактор структурной напряженности (В) – экономические проблемы безработицы, бедности, политические проблемы неравенства доходов, протест против властных структур, внешние угрозы и пр.
3. фактор убежденности (Г) – распространение и раскручивание группированных идей и соображений о причинах социальных проблем и рекомендации о возможных их решениях. К аналогичным системам идей и мировоззрений относятся основные идеологии (коммунизм, капитализм, демократия, национализм), в том числе и религии, любые иные формы идеологий.
4. фактор мобилизации участия (Д) связанных с организационными возможностями и ролью оппозиционных элит.
5. фактор неэффективности социального контроля (Е), связанный со способностью социальной и политической системы контролировать и подавлять антисистемные движения, генерируемые предыдущими факторами.

Следовательно, можно утверждать, что антисистемное социально-политическое движение ϵ есть функция суммы факторов неравновесия макросоциальных структур.

$$\epsilon \approx \sum A+B+C+Г+Д+Е$$

Где при удовлетворительных и положительных показателях всех пяти факторов имеет место состояние политической стабильности. Но если один из факторов не будет достаточен для общественно-политических и социально-экономических требований общества, происходит сдвиг в сторону наращивания протестных выступлений.

Таким образом, структурный подход выявляет существенную взаимосвязь между внешними факторами социально-политической ситуации в виде алгоритма:

Депривация – Фрустрация – Насилие

И которые выступают как причинно-следственные последовательные коллективные явления, провоцирующие коллективное насилие.

При этом нельзя забывать, что формирование современного политического сообщества, основанного на принципе рациональности, полагает присутствие синхронизирующих механизмов адаптации саморегуляции, ослабляющих антисистемный эффект политического насилия. Здесь агрессия – это не механическое возникающее в глубинах людского организма инстинктивное устремление, а следствие фрустраций, т.е. преград, возникающих на пути целеустремленных деяний субъекта, осуществления его намерений, интересов. Агрессия при этом выступает как поведение, нацеленное на нанесение урона, физического либо иного, тем, кто ассоциируется с провоцированием акций фрустраций.

Несколько разъяснительных разграничений в этом направлении внес Фешбах [10], разведив враждебную, определив ее как экспрессивную, и инструментальную агрессию. Экспрессивная агрессия выступает как непроизвольный взрыв гнева и ярости, не целенаправленный и быстро прерывающийся, причем этот субъект гнева, ярости или нарушения спокойствия не обязательно подвергается нападению. Мотивацией недружелюбного или агрессивного нападения является, главным образом, желание причинить вред другому субъекту. Инструментальная агрессия устремлена на достижение цели крайнего характера, а насилие употребляется при этом лишь в качестве индивидуального или социально мотивированного средства.

Далее надо отметить, что важную для раскрытия одной из причин развития феномена насилия у какой-либо группы на базе расовой, религиозной, этнической, экономической, основ сыграла концепция депривации (лишений), представляемых как производная фрустрации агрессии в вышеприведенном алгоритме. Группа, сопоставляя свое положение с членами другой группы, испытывают депривацию, что провоцирует насилие. В данном случае, наиболее действенная форма депривации – комбинированная комплексная форма двойной депривации, где сочетаются эгоистическая депривация, выражающая ощущение личной ущемленности в сравнении с членами другой группы, и общинная депривация, имеющая коллективную природу и опирающаяся на ощущение групповой ущемленности.

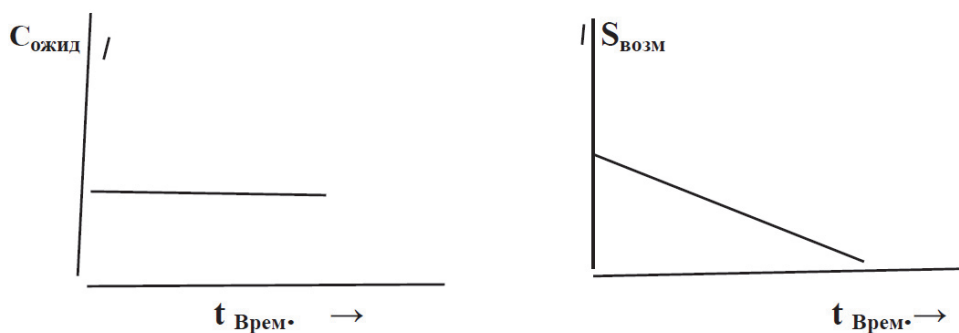
В своё время Т.Гарр [11] истолковал относительную депривацию (Дотн) посредством ценностных воззрений (Свозр), возникающих, например,

при явлении совместного ожидания ($C_{\text{ожид}}$), в соответствии с возможностями коллектива ($S_{\text{возм}}$), общества или другой структуры. И предложил три базовых различных подхода, определяющих относительную депривацию:

- а) депривацию декрементальную ($D_{\text{дек}}$)
- б) депривацию аспирационную ($D_{\text{асп}}$)
- в) депривацию прогрессивную ($D_{\text{про}}$)

Учитывая это, график ценностных ожиданий и возможностей, при декрементальной депривации ($D_{\text{дек}}$), когда групповые ценностные ожидания ($C_{\text{ожид}}$) сохраняются на прежнем уровне, а достижимые возможности коллектива ($S_{\text{возм}}$) значительно сокращаются, можно представить в следующем виде:

*График ценностных ожиданий и возможностей
при декрементальной депривации ($D_{\text{дек}}$)*

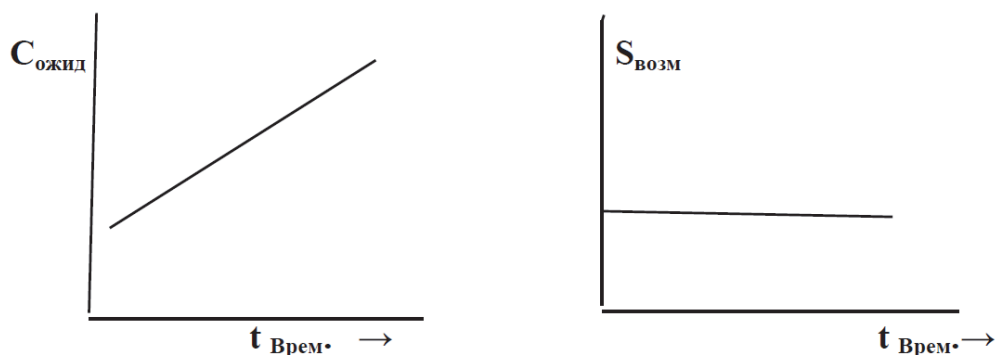

$$(C_{\text{ожид}}) = \text{const} , \text{ а } (S_{\text{возм}}) \rightarrow 0$$

А фрустрация связана с тем, что люди осознают неспособность более достигать или сохранять позиции, прежде воспринимаемые как безусловно принадлежащие им.

При аспирационной депривации ($D_{\text{асп}}$) уровень возможностей остается стабильным, в то время как уровень ожиданий растет.

*График ценностных ожиданий и возможностей
при аспирациональной депривации ($D_{асп}$)*

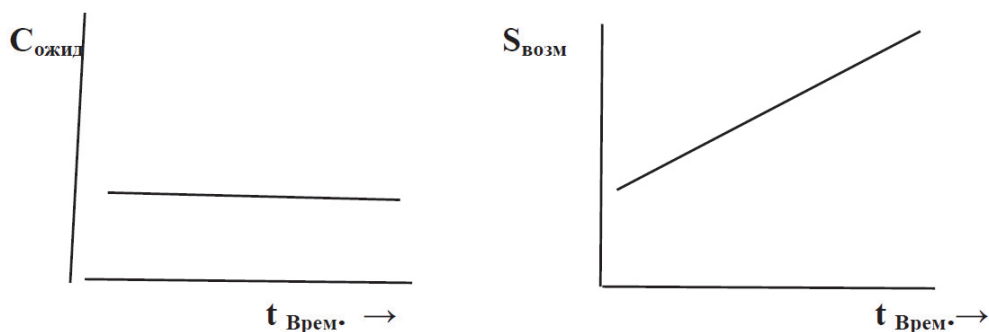

$$(C_{ожид}) \rightarrow \infty, \text{ а } (S_{возм}) = \text{const}$$

В этом случае фрустрация связана с предъявлением обществу растущих требований, которые оно не способно удовлетворить.

И наконец, при прогрессивной депривации ($D_{прог}$) имеет место известный парадокс коллективного насилия.

*График ценностных ожиданий и возможностей
при прогрессивной депривации ($D_{прог}$)*

$$(C_{ожид}) = \text{const}, \text{ а } (S_{возм}) \rightarrow \infty$$

Отсюда можно заключить, что восстания и революции зачастую происходят не в периоды жесткого политического угнетения и нищеты, а в краткие последующие периоды послаблений и относительного роста благосостояния. Это следует также из истории.

Таким образом, по показателям состояния концепций депривации, одного из компонентов алгоритма *«депривация – фрустрация – агрессия»* зависит внутрисоциальная стабильность государства. Кроме того, что она сыграла важнейшую роль в развитии современного теоретического анализа причин участия в насильственных акциях.

Как нами было указано выше, одной из наиболее авторитетных версий концепции депривации, представленной Т.Гарром, является также представление относительной депривации через *«ожидания»* и *«возможности»* коллектива, постигаемого как любая возможная субструктура общества. *Ценностные ожидания* обуславливаются как «средние ценностные позиции (блага), воспринимаемые членами группы как вполне естественно им принадлежащие». *Ценностные возможности* же, в свою очередь, представляют «средние ценностные позиции», которые воспринимаются членами группы как реально достижимые либо сохраняемые. Этим Т.Гарр еще раз наносит удар по традиционным представлениям об иррациональной и инстинктивной природе коллективного насильственного поведения. И было сделано предположение, что *значимым практически-политическим следствием такого методологического допущения является возможность воздействия на уровень коллективного насилия посредством изменения факторов внешней среды.*

Июнь, 2018г.

Источники и литература

1. Юридическая конфликтология / Под ред. В.Н.Кудрявцева – М., 1995.
2. *Feshbach S.*, Dynamics and Morality of Violence and Aggression: Some Psychological Considerations American Psychologist, 1971, Vol. 26.
3. *Крэйхи Б.*, Социальная психология агрессии. – СПб.: Питер, 2003.
4. *Мартиросян А.А.*, Проблемы и формы насильственных действий различной интенсивности (концепция нелинейного развития политического насилия) // 21-й Век, Информационно -аналитический журнал НОФ «Нораванк», №5, Ер. 2012г., сс. 118-130.
5. *Скакунов Э.И.*, Система анализа управления конфликтами и стабильностью «Россия». ИАУКС Для Совбез-а РФ. 1995г.
6. *Швери Р.*, Теория рационального выбора, jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/161/submission/original/161-301-1-SM.pdf.
7. *Gupta D. Singh H. and Spague T.*, *Journal of Conflict Resolution*, 1993, V. 37, pp. 301-339.
8. *Brush S.G.*, *Dynamics of Theory Change in the Social Sciences: Relative Deprivation and Collective Violence* // *The Journal of Conflict Resolution*. 1996. Vol. 40(4).

9. Smelser N., *Theory of Collective Behavior*. – N.Y., 1963.
10. Feshbach S., *Dynamics and Morality of Violence and Aggression: Some Psychological Considerations American Psychologist*, 1971 Vol. 26.
11. Гарп Т.Р., *Почему люди бунтуют*. – СПб.: Питер, 2005.

**ՆՈՐ ՀԱՅԵՑԱԿԵՏԵՐ ՆԵՐՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԲՈՂՈՔՆԵՐԻ ԽՆԴԻ
ՎԵՐԱԲԵՐՑԱԼ. ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ
(քաղաքական բռնության զարգացման ոչգծային հայեցակարգ)**

Արման Մարտիրոսյան

Ամփոփագիր

Սոցիալ-հոգեբանական հարաբերությունների ռեֆորմացիան ողջ աշխարհում տրամաբանական և համաշխարհային քաղաքականությունում անհրաժեշտություն է դարձրել բանակցություններն իշխանությունների և ընդդիմության միջև: Ընդ որում, չի կարելի ընդդիմադիր շարժման զարգացումը շատ երկրներում, մասնավորապես, հետխորհրդային տարածքում, դիտարկել սոցիալ-քաղաքական, տնտեսական, բարոյահոգեբանական, ժողովրդագրական, էթնիկական և այլ փոխակերպվող գործընթացների համատեքստից դուրս, որոնք, որպես հետևանք, ի հայտ եկան Խորհրդային Միության փլուզումից հետո և հանգեցրին ինչպես էթնիկական, այնպես էլ սոցիալ-տնտեսական բնույթի տարատեսակ անտոմալիաների և տարբեր ընդդիմադիր դիմակայությունների ոչգծային զարգացման: Հայաստանը չէր կարող մի կողմ մնալ և չենթարկվել հասարակական-քաղաքական բոլոր ազդեցություններին, որոնք տարբեր փոփոխությունների փոթորիկ են առաջացրել ամբողջ աշխարհում, մարդկային համակեցության բոլոր ոլորտներում:

**НОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА ПРОБЛЕМУ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОТЕСТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
(концепция нелинейного развития политического насилия)**

Арман Мартиросян

Резюме

Реформация социально-психологических отношений во всем мире сделала логичной и назревшей необходимостью в мировой практике переговоры между властями и оппозицией. При этом нельзя рассматривать развитие оппозицион-

ного движения во многих странах – в частности, постсоветского пространства – вне контекста социально-политических, экономических, морально-психологических, демографических, этнических и других трансформирующихся процессов, вспыхнувших вследствие распада Советского Союза и приведших к разным аномалиям и нелинейному развитию различных оппозиционных противостояний как этнического, так социально-экономического характера Армения не могла остаться на стороне и не быть подверженной всем общественно-политическим трансформационным воздействиям, вызвавшим бурю различных изменений во всем мире, во всех сферах человеческого общежития.

**NEW OUTLOOK ON THE PROBLEM OF DOMESTIC POLITICAL PROTESTS:
A COMPARATIVE ANALYSIS
(the concept of non-linear development of political violence)**

Arman Martirosyan

Resume

The reshaping of socio-psychological relations in the whole world made the negotiations between the government and opposition a logical and urgent world practice. The development of opposition movements in many countries, particularly the post-Soviet ones, cannot be viewed out of context of the socio-political, economic, moral, psychological, demographic, ethnic and other transforming processes that broke out in the aftermath of the Soviet Union's collapse. These processes led to various anomalies and non-linear development of various opposition standoffs that were both ethnic and socioeconomic in nature. There was no way Armenia could avoid this and escape all the societal and political transformation impacts that produced a storm of changes around the world in all areas of the human community.